

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-х ГОДОВ

С.Н. Белевцева

В сообщении рассматривается американская историография внешней политики США второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. Анализ работ американских авторов классифицируется по следующим проблемам: нормы и категории внешней политики; отношения с ООН; соотношения глобализма, имперских претензий и демократии; изоляционизм, интернационализм, неоконсерватизм как идеологические составляющие американской внешней политики.

Ключевые слова: американская историография, внешняя политика США, глобализм, имперские претензии, изоляционизм, интернационализм, неоконсерватизм, нормы и категории внешней политики

The report discusses the American historiography of U.S. foreign policy in the second half of 1980s first half of 1990s. The analysis of the works of American authors classified in the following problems: norms and categories of foreign policy; relations with the UN; the ratio of globalism, the imperial claims and democracy; isolationism, internationalism, neo-conservatism as the ideological components of American foreign policy.

Key words: American historiography, U.S. foreign policy, globalism, the imperial claim, isolationism, internationalism, neo-conservatism, the norms and categories of foreign policy

Американская историография о внешней политике США второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. обширна, разнопланова и носит дискуссионный характер. В настоящем исследовании анализируются некоторые наиболее значимые работы американских авторов, представляющие интерес не только с точки зрения оценки собственно внешней политики США, но и ее методологической составляющей.

Нормы внешней политики

В изданном Центром европейских политических исследований сборнике «Кто является нормативным субъектом внешней политики?»¹ ученые из стран Евросоюза приводят аргументы, свидетельствующие о значительной роли ЕС в формировании современных норм международного взаимодействия. Д.С. Гамильтон сдерживает европейцев в их оценках значимости своего Союза. Озаглавив третью главу указанного сборника в виде явно риторического вопроса: «Соединенные Штаты: нормативная власть?», Гамильтон прежде, чем дать уклончивый ответ на это вопрос, предлагает задуматься над тем, оправдано ли вообще обращение к нормам в международных делах. Он предлагает сравнить реальные шаги государств на международной арене с тем, что они подписывают в межгосударственных документах. Ведь даже часто встречающееся бездействие по ранее согласованным вопросам не может истолковываться как соблюдение норм.

Отвечая на предположение коллег о том, что внешнюю политику государств можно причислить к одной из четырех категорий: нормативная, *realpolitik*, политика имперская или статус-кво, д-р Гамильтон на примере конкретных исторических событий делает вывод: США в определенных обстоятельствах и в определенные исторические периоды проводили и проводят любую из названных линий международного поведения.

Так, применительно к периодам президентства Р. Рейгана, Дж. Буша-ст. и Б. Клинтона, по мнению Гамильтона:

- Соединенные Штаты стремились к соблюдению международных договоренностей в вопросе создания ВТО (1995), и в этом случае их внешнюю политику можно считать нормативной;
- в политике США в Ираке в 1980–1984 гг. усматриваются основы, *realpolitik*;
- вторжение США в Панаму в 1989 г. – образец преднамеренной имперской политики США;
- политика США в отношении Тайваня несколько десятилетий базируется на правиле: пусть все остается как есть, т.е. является образцом политики статус-кво.

¹ Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners / Ed. by N. Tocci. Brussels, 2008.

Нелицеприятное определение политики как «имперской» д-р Гамильтон заменяет на политику «гегемона». Причем гегемона, стремящегося вырабатывать нормы для других государств. Гамильтон считает: «Внешняя политика США указывает на то, что США были и остаются хранителями норм, учрежденных международным сообществом»². При этом он уточняет для европейцев, что «в некоторых случаях военный потенциал и политические обязательства, лежащие в основе способности ЕС проектировать нормативную власть, предоставляются не ЕС, а Соединенными Штатами»³. Таким образом, д-р Гамильтон подтверждает опекунские функции внешней политики США.

Говоря о «нормативно-гегемоническом» поведении на международной арене, Гамильтон указывает на то, что Соединенным Штатам не всегда удается следовать тем нормам, которые были введены в международный оборот при их собственном активном участии. Оправданием этому, видимо, может служить то, что принятые под давлением США обязательства для других государств, не обязательны для того, кто их инициировал. Д-р Гамильтон приводит следующую мысль, высказанную советником президента США по национальной безопасности в 1997–2001 гг. Сэнди Бергером: «Ничто не подрывает авторитет США больше, чем то, что США считают себя слишком могущественными, чтобы быть связанными нормами, которые мы проповедуем другим»⁴.

Вольное отношение к нормам международного права не вредило, а скорее, помогало Соединенным Штатам добиваться своих целей, учитывая, прежде всего, жизненно важные интересы США. При этом международные нормы и правила либо избирательно извлекались для обоснования американских акций, либо известные нормы трактовались по-новому, применительно к конкретным ситуациям, либо международные законодательные акты подменялись законами одного государства – Соединенных Штатов Америки.

Обоснование же действий США, как правило, находилось. Не всегда предварительное, порой «задним числом», но в конце XX в. обоснование американским действиям считалось необходимым и потому находилось. Обоснование считалось приемлемым для мирового сообщества, если так полагали те, кто его выдвигал.

² *Hamilton D.S. The United States: A Normative Power? // Op. cit. P. 139.*

³ *Ibid. P. 144.*

⁴ *Ibid. P. 142.*

Категории внешней политики

Самые серьезные международные действия Соединенных Штатов, как правило, имели научное обоснование. А предложения американских ученых часто были направлены на совершенствование американской внешней политики с учетом тех самых жизненно важных интересов США.

Дэвид А. Болдуин, в разные годы преподававший в Принстонском и Колумбийском университетах, в своих работах⁵ анализирует сами понятия и составляющие элементы внешней политики и международных отношений. В статье «Успехи и неудачи внешней политики», он, в первую очередь, ставит вопрос о том, что, собственно говоря, есть успех в международных делах, и, таким образом, определяет цель своей научной работы как «предложение аналитических рамок, применимых к оценке успеха операций по поддержанию мира, экономических санкций, военных мероприятий и других попыток влияния»⁶.

При этом применительно к историческим рамкам конца XX в. Д.А. Болдуин показывает, что в американской науке практически отсутствовали комплексные разработки относительно государственной внешней политики и международного влияния. «Область внешнеполитических исследований занята рекомендациями по выработке внешней политики и, как правило, пренебрегает выводами по таким процессам»⁷, — утверждает он. А без всестороннего анализа внешнеполитической деятельности невозможно сравнивать и предлагать варианты поведения государства на международной арене. При этом Болдуин делает упор на то, что если отсутствует методика сопоставления, то анализ будет неполноценен и, как следствие, выводы такого «анализа» могут привести к серьезным ошибкам в международных делах.

На примере принятия решения об отпоре агрессии Ирака в Персидском заливе (1990–1991) Болдуин показывает, что принятию решения о военной операции («Буря в пустыне») «предшествовало оживленное обсуждение методик государственного воздействия, наиболее подходящих для борьбы с вторжением Ирака в Кувейт. Некоторые

⁵ См.: *Baldwin D.A. Power and International Relations // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. Thousand Oaks (Calif.), 2013. P. 273–297. (2nd ed.); idem. The Concept of Security // Review of International Studies, 1997. Vol. 23. P. 5–26; idem. Security Studies and the End of the Cold War // World Politics. 1995. Vol. 48. Iss. 1. P. 117–141.*

⁶ *Baldwin D.A. Success and Failure in Foreign Policy // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. P. 170.*

⁷ *Ibid. P. 167.*

аналитики высказались за изучение всех прошлых дипломатических возможностей, некоторые делали упор на экономические санкции, а другие утверждали, что только военная сила способна решить эту задачу. Понятно, что нужны были аналитические рамки для сравнения полезности различных типов государственного воздействия. Однако в той мере, в какой существовала научная литература о полезности методов государственного воздействия, она была разделена на различные «острова»⁸.

В своей работе Д.А. Болдуин предлагает трактовки некоторых основных понятий теории международных отношений и внешней политики государства и методики принятия решений. В частности, он дает определение тому, что есть знания по актуальной внешней политике и их предназначение. Он указывает также на аспекты теории выбора альтернативных действий (дефицит ресурсов, затраты и пр.), предлагает порядок оценки успеха и неудачи различных типов международного воздействия государства (война, экономические санкции, дипломатия). Применительно к войне в Персидском заливе Д.А. Болдуин показывает, что США были нацелены не только на то, чтобы заставить Саддама Хусейна вывести свои войска из Кувейта. Дополнительные цели, в частности, включали: восстановление государственности и управления в Кувейте, минимизацию ущерба, а также одобрение поддержки ООН, заверение потенциальных союзников США в том, что война не была простой демонстрацией силы и могла стать сдерживающим фактором для других потенциальных агрессоров.

Д.А. Болдуин правомерно утверждает, что ««Победа в войне» – это чрезмерное упрощение целей любой войны, а «достижение главной цели» – в равной степени вводит в заблуждение при определении успеха от экономических санкций»⁹.

Вывод же для научного сообщества Д.А. Болдуин делает следующий: «Внешнеполитические решения часто имеют существенные последствия. Предоставление политикам-международникам определенных знаний, которые помогли бы им в выборе среди различных инструментов государственного управления наиболее рациональных, заслуживает более высокого приоритета среди ученых, чем это имеет место быть»¹⁰.

Однако само наличие научно обоснованных методик, методов, сравнений вариантов воздействия того или иного государства на систему международных отношений не говорит о том, что политики всегда

⁸ Baldwin D.A. Success and Failure in Foreign Policy... P. 168.

⁹ Ibid. P. 173.

¹⁰ Ibid. P. 180.

следуют рекомендациям ученых. Д.А. Болдуин, в частности, справедливо замечает, что нередко ссылка на отсутствие альтернатив тому или иному решению «является попыткой освободить политика от ответственности за его или ее решения»¹¹.

Изоляционизм или интернационализм во внешней политике США

Оказавшись на рубеже 1980–1990-х гг. в положении единоличного мирового лидера, Соединенные Штаты при всем своем политическом влиянии, экономической значимости и военной силе не могли не допускать ошибок во внешней политике даже по мнению собственных экспертных и мозговых сообществ.

Неоднозначную оценку американской внешней политике дает исследователь Дж. Муравчик, который в 1960–1970-х гг. придерживался левых взглядов, а в 1986 г. был признан «Уолл-стрит Джорнал» как, возможно, наиболее убедительный и осторожный неоконсервативный автор по вопросам внешней политики¹². В эссе «Назначение и роль Америки в изменившемся мире» он, прежде всего, ведет речь о неизбежной участи мирового лидера и, в частности, говорит: «Когда международные конфликты перерастают в серьезное насилие, они часто приходят на порог Америки, независимо от наших желаний, потому что наша страна большая, влиятельная, могущественная, с далеко идущими интересами»¹³. Далее для сравнения и убедительности он продолжает: «Швейцария может оставаться нейтральной по мере того, как идут войны. Америке это не так-то просто»¹⁴. О необходимости проведения активной внешней политики Дж. Муравчик пишет следующее:

«<...> наши самые блестящие внешнеполитические успехи, в частности, предотвращение горячей третьей мировой войны и доведение “холодной войны” до завершения на наших собственных условиях были результатом наиболее активной интернационалистской политики, которую США когда-либо проводили... Этот опыт, равно как и наш печальный опыт, связанный с тем, чтобы не допускать войн, должен научить нас некоторым сильным урокам о самом глубоком и важном вопросе внешней политики США, который заключается не в тактике

¹¹ Ibid. P. 177.

¹² Joshua Muravchik // Сайт «World Affairs» (<http://www.worldaffairsjournal.org/users/joshua-muravchik>).

¹³ *Muravchik J. America's Purpose and Role in a Changed World* (<http://www.worldaffairsjournal.org/article/america's-purpose-and-role-changed-world-4>).

¹⁴ Ibid.

и позиции, а в том, насколько интенсивно мы должны заниматься этим. Сокращенно – это о дискуссии: интернационализм против изоляционизма»¹⁵.

В своей работе Дж. Муравчик обращается к «слабенькому», но все же примеру «изоляционизма» и предваряет этот пример утверждением о том, что «если мы иногда ошибались в эпизодах чересчур неохотного участия, также имели место случаи, когда мы были слишком поспешными». В примере Дж. Муравчика речь идет о поспешности, проявленной при окончании операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и высказывается следующая мысль: «Если бы мы были значительно смелее в 1991 г. и насильно свергли Саддама Хусейна в конце первой войны в Заливе, мы, возможно, не нашли бы причин возвращаться в Ирак двенадцать лет спустя»¹⁶. В данном случае речь идет о смелости президента Дж. Буша-ст. и его администрации.

Сильная и решительная Америка, по мнению автора, нужна всему миру. «Американская власть – это балласт, который держит мир относительно стабильным. Потому что она одновременно и очень мощная, и лишённая имперских амбиций; нет другого государства, консорциума или международного института, который может заменить ее»¹⁷. Таким образом, по мнению Дж. Муравчика, Соединенные Штаты бывают противоречивы, нерешительны или поспешны, но все равно незаменимы для мирового сообщества.

Неоконсерватизм во внешней политике США

Вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг. – период расцвета неоконсервативной идеологии, которая, проповедуя использование экономической и военной мощи США для победы над враждебными к Соединенным Штатам режимами и установление в этих государствах демократии, нашла практическое отражение в американской внешней политике этого периода.

Доктрина Рейгана, часто называемая доктриной неоглобализма, строилась на «идеологическом конфликте» между Западом и Востоком, и разрешение этого конфликта Р. Рейган видел в уничтожении коммунизма силовым путем. «Провокационный» подход Рейгана к холодной войне <...> был громко раскритикован как либералами, так и консерваторами из внешнеполитического истеблишмента, но

¹⁵ *Muravchik J.* Op. cit.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

получил поддержку со стороны неоконсерваторов»¹⁸, — утверждает Дж. Муравчик в своей статье «Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма». Нескольких представителей неоконсервативных взглядов, среди которых были Дж. Киркпатрик, Р. Перл, М. Кампельман и Э. Абрамс, президент Р. Рейган назначил на ключевые внешнеполитические посты в своей администрации. Их активные и успешные действия во многом заставили замолчать критиков доктрины Рейгана, да и что можно было противопоставить фактам рейгановских успехов: «Будучи могущественной сверхдержавой, располагавшей боевой мощью, способной уничтожить США и любую другую страну на глобусе, Советский Союз капитулировал без единого выстрела»¹⁹.

Но эта победа над СССР в «холодной войне», по мнению самих неоконсерваторов, выбила у них из-под ног основу, на которой и держался американский неоконсерватизм. К середине 1990-х гг. о силовом давлении на врагов можно было забыть; к тому времени врагов практически не осталось. Дж. Муравчик в своей статье приводит, в том числе, мнение публициста и политолога Н. Подгореца²⁰ о состоянии неоконсервативного течения в американской внешней политике: «В 1996 г. сам Подгорец объявил, что неоконсерватизм “мертв” и что “причиной его гибели послужило не поражение, а победа; его погубила не неудача, а успех”. В результате, делает вывод Подгорец, “во внешней политике стало невозможно выделить неоконсервативную позицию”»²¹.

Однако сам Дж. Муравчик считал такое мнение ошибочным и полагал, что Подгорец недооценивал «<...> признаки того, что в стране уже складывался достаточно определенный неоконсервативный подход к “послехолодновоевропейской” внешней политике»²². В 1991 г. «неоконсерваторы, сформировавшиеся в период холодной войны, консолидировали усилия с традиционными консерваторами, которые работали в администрации Буша-ст. и внесли свой вклад в обеспечение военных действий, которые принудили Ирак уйти из Кувейта»²³. При этом, как

¹⁸ *Муравчик Дж.* Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма // Интернет-издание «Русский журнал» (<http://www.russ.ru/pole/Proshloe-nastoyashee-i-budushee-neokonservatizma.-CHast-1>).

¹⁹ Там же.

²⁰ *Норман Подгорец* — один из крупнейших американских политологов и журналистов, почетный доктор нескольких американских университетов. В конце 1960-х гг. изменил свои взгляды с либеральных на консервативные и преобразовал редактируемый им журнал «Commentary» в основной печатный орган неоконсерватизма.

²¹ *Муравчик Дж.* Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма.

²² Там же.

²³ Там же.

считает Муравчик, неоконсерваторы выступили против либерального крыла американского истеблишмента, высказывавшегося против применения военной силы.

Но в первой половине 1990-х гг. наблюдалось снижение влияния неоконсервативной идеологии. С этим Дж. Муравчик согласен. Так, в 1991 г. наметился раскол среди сторонников войны в Персидском заливе. Консервативное крыло администрации Дж. Буша-ст., примерившее лавры победы в идеологической войне против СССР и впитавшее дух *realpolitik*, убедило президента США не продолжать боевые действия против режима Саддама Хусейна, который вывел свои войска из Кувейта. В то время как неоконсерваторы считали, что война должна была быть продолжена до победы над иракским агрессором.

«В 1992 г. реализм администрации Буша снова проявился в полной мере, — считает Муравчик, — на этот раз в связи с войной в Боснии. Президент охарактеризовал разыгравшееся там насилие как “небольшой сбой”, а Джеймс Бейкер, его госсекретарь, произнес по этому случаю знаменитую фразу: “Данная война нас не касается”»²⁴.

Но, когда новая администрация Б. Клинтона повела себя столь же инертно, в США сформировалось определенное лобби, выступавшее за военную агрессию в Югославии. Активными членами этого лобби являлись представители неоконсервативных кругов. «В отличие от них, большинство традиционных консерваторов считало, что интересы Америки не настолько затронуты этими событиями, чтобы интервенция была оправданной. Что касается либералов, то многие из них, испытывая беспокойство в связи с кровавой бойней в Боснии, весьма сдержанно относились к идее вмешательства извне и были готовы одобрить применение военной силы только под эгидой ООН»²⁵, — такой анализ представляет Муравчик в своей статье.

Подтверждая мнение о том, что неоконсервативная позиция во внешней политике США продолжала жить, Дж. Муравчик приводит в качестве примера полемику по вопросу расширения НАТО. Он, в частности, пишет: «После Боснии, во второй половине 1990-х гг. приоритетным направлением внешней политики США стало расширение НАТО. В этом вопросе не было единства, как среди либералов, так и среди консерваторов. Но политики и публицисты, связанные с неоконсервативным лагерем (за значимым исключением выдающегося историка Р. Пайпса), были настроены в пользу расширения»²⁶.

²⁴ *Муравчик Дж.* Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Упомянутые события показывают, что элементы общей неоконсервативной ментальности сохранили актуальность в американской внешней политике и после окончания «холодной войны».

Внешняя политика США и ООН

Завершение «холодной войны» и распад СССР изменили расстановку сил в мировом сообществе. По мнению Дж. Муравчика все это «<...> уничтожило советскую угрозу <...> уничтожило склонность к изоляционизму. Но окончание этих угроз с необходимостью поставило на повестку дня следующий вопрос: какова роль Америки в мире?»²⁷. Нетрудно понять ситуацию, когда из двух сверхдержав одна разделена на части, каждая из которых лишена былого статуса. Вторая осталась невредимой. Более того, в мире, где ее величие уже ничто не угрожает, перед ней встает вопрос о том, сколь категорично можно пользоваться новой международной ситуацией. Конечно, новый статус США был понятен не только им самим, но и всему мировому сообществу. Поэтому в начале 1990-х гг. статус единственной сверхдержавы скорее пугал, чем радовал. Ничем не скомпенсированная американская сила могла быть пущена в дело без мнения мирового сообщества. Как указывает в своей статье Дж. Муравчик: «Уже в середине 1990-х гг. <...> государственные деятели европейских стран отстаивали и продвигали идею, что никакое использование силы не является законным и легитимным, если оно не подкреплено явным одобрением Совета безопасности ООН. Они не спешили признаваться, что их цель заключается в том, чтобы наложить ограничения на “сверхмощь” Соединенных Штатов, чья сила казалась пугающе неограниченной в “однополярном” мире»²⁸.

В этой ситуации на повестку дня с новой остротой встал вопрос о роли ООН. Дж. Муравчик указывает: «Многие обозреватели утверждали, что с окончанием холодной войны, ООН могла бы, наконец, выполнить миссию, ради которой она и была создана: укрепление мира во всем мире»²⁹. Следует отметить, что и администрация Дж. Буша-ст. стремилась проводить свою политику согласно международным нормам. Достаточно отметить получение одобрения Совбеза ООН перед началом операции «Буря в пустыне». Его преемник Б. Клинтон также стремился усилить роль ООН с целью развязать себе руки и не отвлекаться от решения

²⁷ *Муравчик Дж.* После падения. Двадцать лет спустя 1989 года // Интернет-издание «Русский журнал»: (<http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Posle-padeniya>).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

внутренних экономических проблем. Но, как отмечает Дж. Муравчик, «к тому времени, когда Клинтон занял свой пост, ООН уже продемонстрировала свое продолжающееся бессилие, на сей раз столкнувшись с проблемой распада Югославии»³⁰. А решение ООН о введении эмбарго на поставки оружия всем воюющим сторонам Муравчик назвал «конвульсивным реагированием», так как «жертвы оказались безоружны перед своими к тому времени уже хорошо вооруженными гонителями»³¹.

О сложившейся новой международной ситуации Дж. Муравчик приводит следующие сведения, которые резюмируют полемику об американском единоличном лидерстве:

«К концу первого срока Клинтона Кофи Аннан, который занимал пост сначала руководителя миротворческих сил ООН, а затем пост генерального секретаря ООН, вслух высказал жалобу, что задача поддержания мира, где бы то ни было, выходит за пределы возможностей ООН. Президент Клинтон, а вместе с ним и госсекретарь Мадлен Олбрайт начали характеризовать США как “незаменимую страну”, эта фраза звучала оскорбительно хвастливо для представителей других наций, но она лишь отражала наивное удивление от внезапно сделанного открытия»³².

Путь для принятия решений в обход ООН был открыт.

Глобализм, империя и демократия

Важную проблему соотношения глобализма, имперских претензий и демократии поднимает один из ведущих политологов США Зб. Бжезинский. В книге «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы»³³ автор задается вопросом мироустройства после окончания «холодной войны». И хотя этот вопрос несколько выходит за обозначенные хронологические рамки исследования, его трактовка может быть принята как историческое резюме предшествующим годам.

Говоря об объективной потребности понимания перспектив американской внешней политики после окончания «холодной войны», Зб. Бжезинский указывает: «Учитывая ограниченность человеческих возможностей осознавать сложный комплекс реальностей и угадывать

³⁰ *Муравчик Дж.* После падения. Двадцать лет спустя 1989 года.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ *Бжезинский Зб.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010.

направления развития, потребовалось около десятилетия, чтобы перспектива могла быть ясно очерчена и были найдены ее приверженцы»³⁴. Как пишет Бжезинский, после «недолгого интеллектуального замешательства»³⁵ появились две версии видения будущего мироустройства. По его мнению, для будущего мироустройства конца XX в. были пригодны версии глобализации и неоконсерватизма.

Взаимозависимость, соединенность и, не в последнюю очередь, лидерство США делали идею построения глобального миропорядка весьма привлекательной для этой страны. Подтверждая неизбежность американского лидерства в мировых делах, Бжезинский указывал на то, что процесс глобализации несравним с «мертвой коммунистической доктриной с ее установленным центром мировой революции... Глобализация лишь намекала на то, что Америке предназначено быть источником энергии и центром, стимулирующим мировой процесс»³⁶. При этом Зб. Бжезинский отмечал очень существенный аспект становления глобализованного мира: «Уделив сначала внимание только экономической перспективе, сторонники глобализации быстро поняли, что ее привлекательность может быть значительно усилена за счет политической составляющей, и тогда в качестве дополнительного довода в пользу глобализации было выдвинуто мнение, что она непременно приведет к усилению демократии»³⁷.

Возвращаясь к полемике о том, жива ли неоконсервативная идеология и нужна ли она Америке, Бжезинский указывал на то, что американской силе всегда найдется применение, к примеру: «<...> вызов, исходивший от Советского Союза и коммунизма, теперь исходит от арабских государств и воинствующего ислама»³⁸. В течение указанного Бжезинским десятилетия после окончания «холодной войны» мнения о перспективах американского неоконсерватизма были систематизированы и расширены учеными и политическими аналитиками США. А сущность неоконсерватизма, предусматривающая силовое воздействие в защите и расширении территории американских «жизненных интересов», в сочетании с теорией глобализации выводила американскую внешнюю политику на новую высоту, где господствовала идея утверждения и лидерства Американской империи.

Таким образом, вопрос о двух версиях будущего мироустройства — глобализация и неоконсерватизм — не означает выбор одной из них,

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Там же. С. 31.

³⁶ Там же. С. 32.

³⁷ Там же. С. 33.

³⁸ Там же. С. 36.

а, напротив, утверждает их согласованное применение. Бжезинский подчеркивает: «Эти два явления – глобализация как поднимающаяся волна и неоконсерватизм как призыв к действию – стали доминирующими на политической сцене, оттеснив альтернативные точки зрения»³⁹.

В историографическом анализе внешней политики США второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. за основу были взяты мнения американских ученых (политологов, международников, социологов и т.д.), не стоящих в первой линейке американской интеллектуальной элиты, где, согласно российскому взгляду, уверенно расположились, к примеру, Г. Киссинджер, Зб. Бжезинский, С. Хантингтон, Н. Хомский. Их мнение о внешней политике США известно не только ученым-американистам, но и всем, кто в той или иной степени интересуется историей и международными отношениями.

Данная историографическая выборка показывает, что анализ внешней политики Соединенных Штатов, несмотря на имеющиеся партийные или общественно-идеологические различия в ее оценках, на всех иерархических (научных или государственных) уровнях, имеет общие базовые подходы с точки зрения обоснования объективно лидирующих позиций США в мировых делах.

³⁹ Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. С. 39.